

...жизнь другого человека есть одно из условий моей жизни.

Но если он будет жить в зависти или в гневе по отношению ко мне, то условия будут нетерпимыми.

И от меня зависит, чтобы я не инициировал гнев и зависть.

...если система толерантна ко мне, то она открывает передо мной разные возможности проявлять свою толерантность по отношению к ней.

Иначе пусть система пеняет на себя и не ждет от меня шагов ей навстречу.

...открытость навстречу друг другу появляется только с началом по-настоящему совместной деятельности, а в такой совместности, друг в друге нуждаются все, потому что ничего не могут сделать без кооперации с другими.

От себя мы только не зависим

М.Х. Давным-давно я прочитал очерк о трагической судьбе рано погибшей поэтессы, ничего не запомнил, даже имени, кроме двух ее строчек: «От себя мы только не зависим и на шею всякой дряни виснем». С тех пор они преследуют меня всю жизнь, почему, понять не могу. При всем нашем могуществе, говоря о человечестве в целом, мы, словно гулливеры в стране лилипутов, повязаны тысячами нитей, которые не дают нам распрямиться. Ты об этом уже вспоминал, говоря о том, что человек «забыл» заняться собой, в результате миллионы людей по разным причинам становятся рабами различных зависимостей, в том числе или прежде всего от наркотиков. Сегодня утром те строки вновь всплыли в памяти, когда я читал твой доклад на депутатских слушаниях в Красноярском городском совете по вопросам профилактики безнадзорности и преступлений среди несовершеннолетних.

Б.Х. Да, с наркотиками человек познакомился очень давно, но наркомания как социальное явление – как эпидемия, связанная с «опиумной войной», – впервые «объявилась» в США в период Великой Депрессии, это 30-е годы нашего столетия. Следующая вспышка случилась уже после второй войны. Я ставлю оба эти события в ряд негативных следствий деятельности нашего поколения. В моем представлении наркомания, в которой проявляются проблемы молодежи, в частности бессодержательности ее жизни – это симптом разрыва поколений. Причем более всего болезнь поражает активных людей, чьи претензии по каким-либо причинам не могут быть реализованы, а возникшую пустоту, бессмысленность жизни требуется заполнить суррогатом.

В чем прежде всего нуждается человек? На мой взгляд, в ощущении себя, своей призванности, пригодности, причастности. Именно в этом ему отказано. Чаще всего он начинает понимать это параллельно с осознанием своих притязаний и особенно

часто в эпохи больших перемен – с ним лично или в его социальном окружении. При этом человек оценивает свои возможности либо ниже, либо выше, чем окружающая его среда. В первом случае он ищет нишу, в которой может спрятаться. Во втором – такие формы жизни, которые позволяют ему почувствовать себя: начинает преодолевать всякие ограничения, буквально провоцируя ситуации риска. Кстати, точно также ребенок стремится преодолевать запреты: ответная реакция на его действия «говорит» ему, что он замечен, психологи называют такое поведение истероидными реакциями.

И тут что в первом, что во втором случае возникает «услужливый» наркотик, который адекватно замещает и риск, и укромную нишу. Замещает дефицит ресурсов, необходимых для получения социального признания или приспособления к обстоятельствам. Именно это, на мой взгляд, характеризует отношения между поколениями в тех случаях, когда молодежь не ощущает своей востребованности, когда она не включена в социальную практику, оказывается не при чем, ее отодвигают.

М.Х. *Но почему проблема наркомании оказалась столь острой именно к концу нашего века?*

Б.Х. Потому что наиболее острой стала проблема занятости. Что породило в США ту самую Большую Депрессию? Ничего не было придумано для того, чтобы занять массы людей. Причем именно ту часть общественного организма, которая более всего нуждается в чувстве себя.

М.Х. *Как в 60-е годы во Франции?*

Б.Х. Точно. В глазах французского студенчества, как и американской молодежи в 30-е годы, старшее поколение выглядело предельно неуспешным, себя дискредитировало. Кого обвинять в том, что мне некуда себя деть? Общественную среду? А кто за ее организацию отвечает? Взрослые. Получите протест...

М.Х. *В одной из ранних повестей Василия Аксенова младший брат горько иронизирует по поводу своей перспективы, которую спланировало для него старшее поколение: аттестат, диплом, аспирант, кандидат, доктор, академик, всеми уважаемый покойник...*

Б.Х. Кто породил или допустил депрессию, войну, идеологию потребления? Поколение нынешних «дедов и отцов». И в России мы остро столкнулись с той же проблемой сразу же пос-

ле того, как убрали идеологический пресс, когда рухнули все прежние формы причастности.

М.Х. *Что же дальше?*

Б.Х. Много чего. Мы, в частности, готовы предложить проект профилактики наркомании, разработанный в гимназии «Универс». Идея простая. Известно, что ресурсный дефицит у детей можно обнаружить в периоды возрастных переходов. Например, из детского сада в школу, а переход в школьное детство – массовый, для всех. Поскольку тот, у кого дефицит выражен сильнее, рискует больше остальных, мы можем выявлять степень риска, который провоцирует склонность к наркотикам. И выявляя дефицит ресурсов на ранних этапах взросления, задолго до того, как подросток может встретиться с «культурой» наркотиков...

М.Х. *Предоставить ему возможность реализоваться в «здоровом» виде деятельности?*

Б.Х. Да, потому что **профилактика – это не столько борьба с наркотиками как таковыми, сколько предвосхищение опасности.** Наркотики будут сохранять свою привлекательность и силу до тех пор, пока мы не поможем молодежи заполнить пустоту жизни. И до тех пор, пока другие люди будут зарабатывать на этом огромные деньги. Можно сколь угодно уничтожать наркодилеров и посеять наркоты, но пока есть ее потребитель, будут и продавцы. А чтобы минимизировать потребителя, необходимо как можно раньше избавить людей от их психологических и социальных дефицитов.

И я утверждаю: самая эффективная профилактика наркомании – это хорошее образование. Только получив хорошее образование, ребенок может найти общественное признание, обнаружить свою причастность, быть мотивированным, заинтересованным и двигающимся.

М.Х. *Но чем больше человек остается в образовательных институтах, тем позже он обретает самостоятельность.*

Б.Х. Ты рассматриваешь образование в патерналистской схеме: «я тебя научу». А я говорю иначе: «я обеспечу тебе возможность учиться и самому себя учить».

М.Х. *Но я все равно буду учиться: пять лет, десять, двадцать.*

Б.Х. Ну и что в этом плохого? Можно и в процессе образования быть самостоятельным и причастным к социокультурным

программам, чувствовать себя членом общества. Весь вопрос в том, как оно устроено. Если как Институт, удерживающий недееспособных молодых людей в этом их состоянии, когда они, прикованные к учебнику, могут еще разве что развлекаться, то это один подход. Если же подросток, тем более юноша, который выходит из школы, освоив ключевые способы социальной деятельности, и начинает включаться в разные формы бытия, например в исследование, в социальную практику, к которой он уже готов, то это уже совсем другое. Мы же, вместо того чтобы открывать школьникам такие формы и включать в них, отдаем юношеству в признании его возможностей. Но вспомни, с какой скоростью молодые люди становились самостоятельными в годы революционных потрясений, а таких примеров, причем куда более позитивных, немало и сегодня. Те же наши походы в тайгу показывают, на что способен подросток, когда ему предлагают себя проявлять свободно и ответственно. Продолжая учиться и в школе, и вне ее.

Итак, мы можем рано обнаруживать детские дефициты. Причем, обрати внимание, как дефицит, то есть как потенциальную опасность, можно рассматривать даже избыточность ресурса. Я уже упоминал непосед, сверхактивных детей, которых изо всех сил пытаются удерживать за партой, требуя, чтобы они сидели смирно, ели глазами учителя и т.д. Они все время должны «себя побеждать», все в них против таких требований протестует, в итоге они начинают сопротивляться. И по мере взросления будут все больше искать ситуации риска, потому что мы не компенсируем, а закрепляем их дефициты. Пытаясь ребенка с избыточным ресурсом от дефицитов отвлечь, мы не оснащаем его средствами борьбы с ними, не чувствуем этих проблем, даже не подозреваем о них. Мы думаем лишь о том, пригоден ли этот ребенок к обучению, да еще загодя характеризуем его как неспособного, не озаботясь другими принципиальными вопросами: пригодно ли обучение для него? И что может дать этому конкретному ребенку с его дефицитами система образования?

М.Х. *А я вновь: где здесь проблемы толерантности?*

Б.Х. Возвращаюсь к схеме: если система толерантна ко мне, то она открывает передо мной разные возможности проявлять свою толерантность по отношению к ней. Иначе пусть система пеняет на себя и не ждет от меня шагов ей навстречу.

М.Х. *То есть все проблемы, говоришь ты, вырастают из зерен, брошенных в почву на этом этапе, а так называемые межкультурные, межэтнические и прочие проблемы...*

Б.Х. Да, это все фишки, инструменты, которыми охотно пользуются всевозможные манипуляторы. Причем пользуются хоть и с выгодой для себя, но по ситуации, временно, потому что раньше или позже это оборачивается против них. И потому разжигание противоречий – это уж точно не стратегия.

Но я хочу чуть подробнее сказать о нашей программе профилактики наркомании. Она начинается с момента поступления ребенка в школу. Мы исходим из того, что в этот момент зона риска еще далека, он не актуален, дефициты еще не проявлены. Но риски уже могут быть, и с момента их выявления они привлекают наше внимание.

М.Х. *Наше – чье?*

Б.Х. Психологов и педагогов, реализующих программу. Выявляя тех, кто больше рискует, и понимая, в чем они больше нуждаются, мы стремимся организовать среду «под него» – чтобы не он ей, а она ему максимально соответствовала, то есть была бы открытой для него, понятной, своей, а не чуждой, стимулировала его включение в гимназическую жизнь, способствуя его причастности к социальному бытию. Это означает, что предусматривается и сопротивление среды. Мы называем это сейчас организацией адекватного возрасту образовательного пространства. Т.е. речь не идет о том, чтобы для ребенка все было предельно комфортно, гладко. Подобный подход как раз приводит к инфантилизации, а не к развитию. При таких условиях он/она начинает двигаться, причем его динамика становится про-, а не антикультурной, что и оказывается важнейшим стратегическим фактором профилактики наркомании.

Затем дети пересекают границу подросткового возраста. Вступая в период полового созревания и одновременно рассогласования внутренних сил организма, они начинают предчувствовать себя взрослыми. Именно в этот момент они попадают в зону актуального риска и, остро ощущая надобность социального самочувствия, начинают активно пробовать формы взрослой социальной жизни. Внимательно вглядываясь в поведение взрослых, первым делом подмечают отрицательные проявления, например лицемерие, становятся к ним критичными и особо

чувствительными к различным запретам, ограничениям, то есть к тому, от чего мы больше всего пытаемся их уберечь. И чем больше мы их пугаем, тем более это становится для них привлекательным: как я уже говорил, только рискуя, они становятся заметными для взрослых куда больше, чем в демонстрации своих предметных знаний и умений.

Именно такие дети становятся главными потребителями рынка: он начинает навязывать им свои искушения, специальные развлечения, в том числе фанатство разного рода, включая безумное поклонение звездам футбола и попсы – любые зависимости, на которых можно заработать. Именно это требует от нас особого внимания: компенсировать потенциальные дефициты удастся далеко не у всех. И трезво оценивая ситуацию, мы понимаем, что ничего нельзя сделать абсолютно и тотально, раз навсегда и во всем. Поэтому на следующем шаге, включая диагностику, мы выявляем новые группы риска.

Групп несколько. В первую входят дети, проявляющие недюжинное любопытство. Они начинают активно интересоваться теми феноменами, которыми их особенно пугают. Другие дети уже «прорвались», перешли границу и, попробовав запретный плод, «словили кайф». Третьи не только попробовали, но продолжают его «поедать», хотя не отрезали себе путь назад, не стали окончательно зависимыми.

Исследуя связи и судьбу наркоманов, мы преимущественно опрашивали со-зависимых, то есть тех, кто был близко к прошедшим весь путь и видел все изменения. Дело в том, что у давних наркоманов картина пути в беду очень трансформирована. По их рассказам восстановить клинику болезни невозможно, в их воспоминаниях много напластований, искажений и т.д. А со-зависимые помнят моменты возникновения разных дефицитов и какие из них им удалось компенсировать.

По картине распределения детей по группам риска можно уже начинать работу с каждым подростком. Кто-то останавливается, удовлетворив свое любопытство. Кстати, часто это происходит с теми ребятами, которых удастся подключить к нашим исследованиям: вместо того, чтобы реально попробовать наркотик, они получают возможность прочувствовать и промыслить действие наркоты через так называемую виртуальную пробу.

Многим этого бывает достаточно. Другим – тем, кто чувствует свою слабость и ищет нишу, в которой может спрятаться, надо предоставить нишу наиболее надежную. У тех, кто пробовал наркотик, мы стремимся дискредитировать опасную для них перспективу, одновременно предоставляя возможность общения к той среде, в которой он нуждается для нормальной, здоровой самореализации. Иными словами, им не надо запрещать входить в зону риска, но рисковать они должны в социальном пространстве.

Наш оптимизм питает то, что наиболее удачными «профилактиками» оказываются сами подростки, нашедшие свое место и свой путь,двигающиеся, успешные в своих действиях, легко и быстро реагирующие на новые возможности, ярко их проживающие. А потому их привлекает возможность войти в «Мир без конфронтации»: пополняя наши ряды, они охотно втягиваются в исследования социальных проблем, соревнуясь и «побеждая» взрослых.

М.Х. *А какова судьба тех, кого вытаскивать из омуты не удается? Они безнадежны?*

Б.Х. Почему? Есть другие методы, другие институты, общественные и государственные, например система здравоохранения. Мы должны работать рука об руку, вместе, каждый на своем «поле», но без иллюзий. В частности, я не уверен, что наркоманов можно излечить раз и навсегда, а потому необходимы сильные реабилитационные программы, направленные на то, чтобы вырвать больных из «зараженной» среды, одновременно предоставив им реальную возможность жить в безопасной.

К сожалению, в этой области социального напряжения, как в любой другой, роятся спекулянты, предпочитающие зарабатывать на громких и пустопорожних акциях. Хотя и грустная тема, но вспомню анекдот, вычитал в «Комсомолке». Старый врач, умирая, передает свою практику сыну. Через какое-то время сын восклицает: «Папа, ты двадцать пять лет лечил N, а я его за неделю вылечил!» Отец в ужасе: «Что ты наделал? Он двадцать пять лет кормил нашу семью»!..

Одно из магистральных направлений борьбы с наркоманией видят в росте информации. Недавно я прочитал, что, по исследованиям медицинских статистиков, до 50 процентов нар-

команов оказались в беде только потому, что были недостаточно осведомлены о последствиях. Думаю, что это результат опроса самих наркоманов, которые еще не такое наговорят, а цифры такие выявлены потому, что работали специалисты из другой области. Я же убежден, что абсолютное большинство наркоманов осведомлено о подстерегающих последствиях более чем достаточно. Они могли знать не все детали, но то, чем это зло грозит, знали наверняка.

М.Х. Ты полагаешь, что информация вообще не нужна?

Б.Х. Она необходима для со-зависимых и для тех, кто боится наркотиков, но слишком слаб в противостоянии соблазну. Но «грандиозные» – на неделю – атаки-акции типа «Город без наркотиков» осмысленны разве что для тех, кто проводит их не за бесплатно... В мире накоплен обширный опыт реализации профилактических программ, его анализ свидетельствует: массивная информация – это почти пустая трата времени. Но нам, как всегда и во всем, чужой опыт не указ. Я уже не говорю о том, что попытка посеять панику просто вредна. Страх всегда наихудший советчик. Испуганный человек рискует гораздо больше, чем действующий спокойно и осмысленно.

М.Х. Со-зависимые – это кто?

Б.Х. Люди, от наркоманов зависящие, – коллеги, друзья, родственники, на глазах которых разрушается и гибнет близкий человек. Они страдают от своей беспомощности, от очевидной для них утраты, они теряют в наркомане часть своего прежнего «Я», не только материальную, но и духовную опору. Им необходима конкретная повседневная помощь.

М.Х. А общество не обращает на них никакого внимания, так?

Б.Х. Не торопись. В такой же ситуации оказываются родители, жены или мужья алкоголиков. Нуждаясь в поддержке, они находят ее в «родственных душах», переживающих аналогичную беду. Поддерживая друг друга хотя бы состраданием, они пытаются компенсировать утрату прежней опоры. Это очень важный аспект – терапевтический, психологический, тактический. Потому что со-зависимые люди, как правило, не могут самостоятельно выбраться из создавшегося положения. Только объединившись, они становятся силой, которая начинает влиять на общество, о чем ты только что спросил.

Но теперь я займу противоположную позицию и скажу: такая стратегия, осмысленная в семье, с общественной точки зрения ведет... в тупик! Любая изоляция, сегрегация, мы это с тобой уже обсуждали, позволит лишь «развести» больную и здоровую части общества по разным полюсам, сохраняя между ними прежнюю напряженность. Поэтому общество в целом должно реализовывать другую стратегию, которая, на мой взгляд, позволит решить те же проблемы кардинально. Необходимо формировать такую общественную атмосферу, в которой «ресурсный дефицит» больных людей перестанет восприниматься окружением как ущербность, одновременно компенсируясь организацией приемлемых форм жизни. Только при таких условиях общество будет не загонять больных в «резервации», а приглашать к сотрудничеству. Именно в этом и состоит одна из привлекательных идей толерантности.

М.Х. *Могут ли быть примером такого сотрудничества параолимпийские игры инвалидов?*

Б.Х. Помочь больным людям забыть о своей ущербности – очень благородная идея. Но, да простят меня организаторы таких игр, я оцениваю эту идею как очередное проявление общественного лицемерия. Параолимпийские игры – это еще одно пространство сегрегации, приемлемое лишь в первой позиции. А именно: в изолированных местах все оказываются среди «своих» – участник игр для инвалидов не чувствует себя одиноким в своем несчастье. Это очень важно, это шаг вперед, но, с моей точки зрения, все же тактический.

М.Х. *Тогда другой пример: в ряде стран строят специальные въезды в здания, оборудуют «подъемники», облегчающие инвалидам пользование общественным транспортом и т.д.*

Б.Х. Вот это куда ближе. Хотя повседневная реализация такой стратегии требует огромных усилий. Мне пока известна одна программа, разработанная федерацией американских учителей, с которой мы недавно начали сотрудничать: здоровые дети и дети с ограниченными ресурсами вместе живут и учатся.

М.Х. *А вашу детско-взрослую организацию, или движение, «Мир без конфронтации» вы создавали тоже для борьбы с наркоманией?*

Б.Х. Нет, хотя попутно хотели решать и эту задачу.

«Мир без конфронтации»

М.Х. *Что ж, расскажи напоследок, с чего все начиналось.*

Б.Х. Начну издалека. Обращал ли ты внимание на достаточную типичную сценку в магазине: ребенок теревит мать, просит что-то купить ему, а она отказывает: не заслужил!.. Оказывается, отношение, как и подарки, заслуживаются! Логика простая: веди себя хорошо, и к тебе будут относиться хорошо. Или, если хочешь, чтобы тебе доверяли, делай шаги навстречу, доверяя авансом. С чем я как специалист в области возрастной психологии согласиться не могу и утверждаю, что не только школа, но и семья не адекватны самочувствию человека. Попытка удерживать детей в формализованном детстве чревата резко негативным отношением детей к взрослым – недоверием, сопротивлением.

Однажды я спросил шестиклассников, что они рассматривают как хорошее отношение к человеку и при каких условиях будут хорошо к нему относиться? Буквальный ответ звучал так: сначала пусть он докажет, что относится к нам хорошо. И я утверждаю, что дети имеют право на такую позицию. Они имеют право не быть первыми! То есть проявлять свое благорасположение к культуре, иными словами, ко всему, что с миром взрослых связано, только в том случае, если культура толерантна по отношению к ним. А если она априори к ним не дружественна, если она говорит: вначале вы полностью мне соответствуйте, и только после этого я отвечу добром, то она заведомо воспроизводит интолерантность.

И едва ли не в самую сложную ситуацию попадают подростки 11-12 лет. Именно в этом возрасте подросток теряет прежнюю идентичность и тут же начинает поиск новой. Признаков такого поиска масса. Например, девочки начинают рассылать друг другу записки-анкеты с вопросами типа «кто твой любимый герой», занимаясь чем-то вроде стихийной социологии.

Человек начинает искать новое зеркало, потому что ему необходимо убедиться в том, что он есть. В этом ему требуется определенная поддержка, а родители ее, как правило, дать уже не могут, они свой ресурс давно исчерпали. Как же им построить со своими детьми новые отношения на новом уровне? К сожалению, на такое строительство не способны и многие нынешние учителя. Их этому не учили, и потому они воспроизво-

дят в средней и старшей школе отношения, с которыми они входили в начальную школу.

Обсуждая эту дилемму, мы и «наткнулись» на идею создания детско-взрослой организации, которая могла бы стать специальным местом встречи детей и взрослых, а предметом их встречи могли бы быть сами конфликты, возникающие в отношениях между ними. В таком обсуждении, в такой, сказал бы я, компетентности нуждаемся все мы, не только подростки, но и взрослые. И по моему разумению (а у меня уже был опыт организации различных форм дополнительного образования, социально-туристических экспедиций, а до них отряда «Дзержинец», по названию понятно, что это еще советские годы), именно в подобной организации можно было бы сформировать пространство такой компетентности.

М.Х. *Богатый же у тебя опыт.*

Б.Х. Немалый... В том числе потому, что за мной, как смысловой шлейф, тянется мое комсомольское прошлое. Так случилось, что еще в советские годы мне, студенту юрфака, довелось заниматься созданием детско-взрослой организации, которой было дано, впрочем, не мной, столь многозначительное в те годы имя. Но и тогда, как и сегодня, мы ставили перед собой похожие цели: преодолеть отчужденность детей от социальной практики, одновременно формируя то, что тогда складывалось в аббревиатуру АЖП – активная жизненная позиция. Завлекательный, к слову, получился бы заголовок: «Как у вас с АЖП»?!

Мы хотели преодолеть отчужденность подростков от социальных форм жизни, связанных не с идеями власти, не с утверждением идеологии, а с организацией, если хочешь, помощи в житейских ситуациях. Меня будоражили мечты о тимуровской команде, и, реализуя ее, мы такой, по существу дела, отряд создали, для начала предложив ребятам походы в тайгу. Не в стационарный, заранее обустроенный лагерь, а именно в походы, где от каждого участника требовалось активное соучастие.

Например, спускаться по рекам на плотах. До реки приходилось много нести на себе, потом организовать жизнь в лагере, вылавливать бревна и вязать плоты, что связано с риском и реальной ответственностью каждого вовлеченного подростка.

Вот и в нынешних условиях, размышляя над тем, каким должен быть «Мир без конфронтации», мы стали обсуждать, что

могло бы означать для детей участие в «Дзержинце»? И поняли, что, несмотря на специфическую политическую установку, все детско-взрослые организации были сделаны столь мудро, что этому надо учиться. Так же, как партийному строительству и много чему еще, что сейчас, на волне постперестроечной критики, отрицания всего и вся, отмечается. В этом отметании всего и вся, на мой взгляд, проявляется типично подростковое поведение во всех своих проявлениях. Потому, к слову, я полагаю, что все мы, взрослые, за редчайшим, быть может, исключением, в этом возрасте пребываем по гроб жизни. Оцени наше поведение на выборах – все равно – Президента страны, губернаторов или депутатов областной Думы. Если провести выборы в школе, гарантирую, что мы увидим сходство во всем, ту же поведенческую модель.

М.Х. *Какой мудрости ты призываешь учиться? В пионерах активистками были почти исключительно девочки, в комсомоле – мальчики, которые наиболее успешно осваивали методы карьерного продвижения.*

Б.Х. Во-первых, не надо всех стричь под одну гребенку. Во-вторых, на разных этапах становления страны дети двигались по разным, так сказать, траекториям. Когда малыша принимали в октябрята...

М.Х. *Ни в октябрята, ни в пионеры не «принимали» – включали скопом. Не случайно в стихах «лучшего, талантливейшего» советского поэта утверждалось, что «единица – ноль», и что «если в партию сгрудились малые – сдайся, враг, замри и ляг»!.. И в этом ты видишь ценность?*

Б.Х. Не торопись. Перед человеком, начинающим осознавать свою взрослость, в любом обществе должны открываться разные варианты социализации, разные способы взаимодействия с большими и малыми коллективами. И когда малыша, я все же скажу, принимали в октябрята, перед ним открывалась первая ступенька во взрослую социальность. Даже напомним по этому поводу анекдот. Вернувшись из школы после дня «первого звонка», первоклассник бросает портфель на стол со словами: «Что ж вы меня не предупредили, что этот бардак – на десять лет»!.. Так вот, принятый в октябрята, он становился уже не только обязанным учиться школьником, но и членом общности, живущей вне уроков и имеющей свои, не учебные, задачи. Тем самым следом за первым шагом – из дошкольника в школьники – он делал второй.

А теперь ответ на твой вопрос о мудрости. Наши уже нынешние исследования показали, что, освоившись в школе за первый год учебы, к середине или концу второго класса ребенок впервые попадает в ситуацию монотонности: у него снижается мотивация, учебная активность и т.д. Чтобы ее преодолеть, учителя начинают подключать родителей. Помогает редко, не то, что тот прием в октябрюта, после чего социальное, культурное, нормативное пространство расширилось, – в нем появлялся новый образовательный предмет, причем не локальный, как в кружках и секциях по интересам, а всеобщий. В любом возрасте и в любом обществе человек «на марше» должен получать знаки причастия, иначе он теряет границы бытия, опору, определенность. Октябрюта получали особый знак – значок, пионеры – галстук, комсомольцы – значок и членский билет, что означало и новый статус, а вместе с ним дополнительные права и обязанности, новые темы для вживания и освоения. Именно они значимы, потому что прорисовывают следующие ступени движения и взросления.

Вот почему, на мой взгляд, сегодня, когда взамен десятилетиями отработанных форм социальной причастности ничего нового не предложено, как грибы, начинают расти всегда локальные клубные, кружковые, секционные объединения. И потому же столь мощно заявило о себе фанатство, а это чрезвычайно опасная тенденция. Потому что фанатизм – это проявление суженного до предела сознания, аффекторное поведение, слабый самоконтроль, снижение персональной ответственности и прочее в том же роде.

Итак, мы стали искать, что можно сделать в условиях, когда прежние формы детской организованности оказались разрушенными. При этом я уже понимал, что ни одна детская организация, если это не банда, не возникает без инициативного участия взрослых. Называть их детскими – это лицемерие, они всегда детско-взрослые.

М.Х. *А тимуровские команды, которые, на мой взгляд, стали возникать перед войной в противопоставление превозносимым тобой пионерам и комсомольцам с их всеобщностью? И не потому ли коммунарское движение процветало только до тех пор, пока коммунары отстаивали, говоря на современном социологическом языке, свою самость, противопоставляя себя*

столь же единому, как «единственно верное учение», окружению, и растворились в небытии, когда утратили смысл своего объединения, вскоре после того, как им также попытались придать всеобщность.

Б.Х. Тимуровцы были коротким эпизодом реализованной мечты Аркадия Гайдара, и неизвестно, во что бы это вылилось, если бы он не погиб вскоре после начала войны. Но в любом случае я продолжаю настаивать, что детские организации вне взрослого контекста долго не живут.

М.Х. *Но не выводишь ли ты смысл детско-взрослых организаций, опираясь исключительно на советскую историю, включая в нее российские традиции с их воспеваемой соборностью, общинностью? Скажем, на Западе были и есть разве что организации скаутов: как же западные подростки живут вне социальной причастности?*

Б.Х. Ты забываешь о месте, которое занимает на Западе религия, которая диктует именно детско-взрослую организацию с разными формами вовлечения детей в социокультурную практику. Например, подростки обретают самостоятельность, пусть с религиозной подоплекой, в обряде конфирмации. И я не противопоставляю Россию Западу, полагая, что все мы – люди одной культуры или во всяком случае цивилизации. Наконец, я вовсе не убежден, что этот самый Запад уже решил все свои проблемы, достаточно вспомнить наркоманию и СПИД.

М.Х. *Я тоже не обсуждаю оппозицию Восток-Запад, я пытаюсь отнестись к твоим тезисам о путях и формах взросления. В конце концов упомянутые тобой организации возникли в XX веке. А что было до того? В другие века и в других, как нынче говорят, мирах?*

Б.Х. Ну не было ничего. Допустим. Что из того? В каком-то смысле не было в прежние века и проблемы подросткового возраста. Но не в этом дело, просто в нашем диалоге мы движемся в разных рамках. Я не делю мир. Я говорю об открытии, которое было сделано и опробовано в конкретном месте и в конкретное время, в данном случае нами в Советском Союзе. В другое время и в другом месте кто-нибудь пробовал или попробует другое. И я предлагаю осмыслить это как опыт отдельных людей, а не Советского Союза, России или какой-либо другой страны. Опыт человека! Сумеем осмыслить и описать, выделить фор-

мы и методы – этим в другие времена, в других странах, в других ситуациях смогут воспользоваться другие люди.

Я готов согласиться с тобой в том, что любой взрослеющий человек обязательно стремится быть не таким, как все. Но одновременно хочет быть как все! И у него должна быть возможность быть таким и сяким, решая эту свою задачу самостоятельно в каждом отдельном случае: где ему быть «человеком массы», а где отличаться «лица необщим выраженьем».

Точно так же человек, стремясь «быть самим собой», не может быть автономным, переживая автономность как одиночество: я никому не нужен.

Знаком ли тебе взгляд сквозь тебя, избегающий тебя? Когда ты начинаешь понимать, что собеседник тебя не видит. Очень неприятное ощущение: ты начинаешь беспокоиться, говоришь: э-эй, я тут!.. вернись, выйди из себя, мы же сейчас совместны... Суть в том, что человеку важно знать, что он есть для других. У американских психологов, развивающих гуманистическую психологию, например у Абрахама Маслоу, есть идея самоактуализации: одна из важнейших потребностей человека – потребность признания, причастности, значимости для других. Если он не ощущает своей востребованности, у него возникает вопрос: а нужен ли он? а есть ли он?

Потрясающая вещь: человек чего-то не делает для себя, а оправдывается тем, что это, мол, никому не нужно! «Да кому это надо», – говорит он. А тебе самому это надо? Человек отказывает себе в том, что ему хочется и необходимо делать, только потому, что это якобы никому не надо.

Возвращаюсь к обсуждаемой нами теме. Упомянув тимуровское и коммунарское движения, ты высказал очень важный тезис, сам того, может быть, не подозревая. А именно: чтобы появилось диссидентство как особый тип противопоставления, должно быть нечто, против чего оно будет протестовать.

Точно также с кризисами. Отказываясь от них, мы одновременно отказываемся от развития! Мы немедленно начинаем двигаться в сторону стагнации. И, говорю я, слава Богу, что сделать это никогда не удастся: жизнь вне кризисов не совместима с «природой» человека. Обрати внимание на слова: с природой человека, а не природой как таковой.

М.Х. *И все же, октябрята, пионерия, комсомол были придуманы для утверждения идеологии и практики тоталитарного государства, которое могло существовать исключительно на подавлении индивидуальности, психологической самостоятельности и самостоятельности, от чего детей изначально отучали едва ли не с яслей или детского сада. А ты сегодня, когда тоталитарный мир рухнул, но висит на нас веригами, чуть ли не воспеваешь эти детско-взрослые организации.*

Б.Х. Пстой, пстой, прежде всего, я их не воспеваю. Я пытаюсь понять, в чем была их сила. Впрочем, не исключаю, что ты прав: скорее всего, такого типа организации, упомяну и гитлерюгенд, могут существовать только в тисках тоталитаризма. Так ведь и с этим надо разобраться.

В любом случае ничто не отменяет необходимости взаимодействия детей и взрослых. В конце концов скауты, свободные от коммунистической идеологии, тоже ходят в походы. И ответственность за самостоятельно принятое решение не имеет идеологической окраски: уметь принять решение и отвечать за свои действия – прерогатива свободного человека.

М.Х. *Хорошо, давай уйдем от идеологической подоплеки.*

Б.Х. Прежде всего надо понять сам организационный механизм. Какие еще функции, кроме идеологических, выполняли наши детско-взрослые организации? Важно для меня то, что они создавали условия для встречи детства с взрослостью, место, где взрослость могла быть втянута в детство, в систему переговоров, связей и т.д. А контрапунктом встречи в новых условиях, в нынешней России должна стать практика разрешения – нет, разрешения – поколенческого конфликта. Такой феномен и такая тема должны стать предметом совместной деятельности прежде всего потому, что это знакомо любому человеку в любом возрасте.

Жизнь в нашем «Мире...» началась с возобновления походов в тайгу, о которых я тебе рассказывал. Одновременно мы стали вводить новые аспекты совместной деятельности: знакомить ребят с методами ее проектирования, работать с проблематикой конфликта, коммуникации, понимания другого, терпимости, стали исследовать причины, порождающие те или иные отторжения, например, как появляются люди-маргиналы.

Сегодня в организацию под эгидой «Мира без конфронтации» вовлечено чуть более 70 человек, примерно поровну детей

из разных школ и взрослых, поэтому позволю себе говорить о трех поколениях. Это родители, профессионально определившиеся со своим будущим, даже укорененные в нем, с той или иной мерой успешности. Это подростки, которые еще только втягиваются в такой поиск, стремясь ответить себе на вопрос, кто они такие в этом мире. А в промежутке между этими возрастными полюсами – студенты и старшие школьники. В соответствии с идеей нашей организации такие возраста должны не только быть, но и иметь свою демонстративную форму для окружающих. Демонстративных форм психологи придумали много, при этом открытость навстречу друг другу появляется только с началом подлинно совместной деятельности, а в такой совместности, друг в друге нуждаются все, потому что ничего не могут сделать без кооперации с другими.

М.Х. *Вспоминая пионерия и комсомол, которые «покрывали» весь Советский Союз, ты противопоставлял их локальным кружкам по интересам, клубным секциям. Но может ли стать всероссийским «Мир без конфронтации»? Пестующая эту вашу организацию группа взрослых складывалась не один год, в других местах наличия таких же групп почему-то не наблюдается...*

Б.Х. Этот вопрос и меня волнует, хотя пока мы на многое не претендуем. Но я полагаю, что масштаб движения задается мощью идеи. Мощь пионерии и комсомола определялась не только, на мой взгляд, государственным вменением, а самой идеей, да, коммунистической, но как мечта о справедливости она прослеживается во многих утопиях, задолго до Маркса.

Я тоже имею право мечтать и, как всякий мечтатель, преувеличивать. Потому надеюсь, что идея движения «Мир без конфронтации» не только мощная, но и перспективная, в ней схвачены, полагаю, важные тенденции. Кстати, наша программа формирования толерантности как культуры ненасилия, хотя ей всего три года, появилась раньше правительственной. И благодаря ее появлению обнаружилось – после ряда публикаций в газетах и журналах – что групп,двигающихся параллельно с нами, в стране довольно много. Они опираются на разные идеи, например на кооперативные формы поведения как противостоящие конфронтационным формам, они активны, они проводят конкурсы и много чего еще.

М.Х. *Кто такую работу организует, кто в нее вовлечен?*

Б.Х. Психологи, педагоги, научные работники, студенты, просто социально активные люди, чья деятельность может быть оформлена как не целевая, а побочная, таков, например, российский Ротари-клуб. Не исключено, что и нам надо было действовать так же, но как психолог и педагог, работающий с разными возрастными группами, я считаю проблему конфликта поколений ключевой. Именно она объединяет все направления нашей деятельности.

М.Х. *А в красноярских школах вас поддерживают?*

Б.Х. Некоторые уже откликнулись, особенно после того, как в городе была обнаружена программа борьбы с наркоманией. Мы подключились к ней, хотя с самого начала, создавая «Мир без конфронтации», рассматривали наркоманию как симптом другой, объемлющей проблемы – любой зависимости, которая оказывает разрушительное воздействие на человека. Впрочем, мы понимаем, что сама по себе независимость – понятие условное, относительное.

Вот еще что важно. Берясь за сложные задачи, мы всегда нуждаемся в разных ресурсах, и потому основное внимание в «Мире...» обращаем не на идеологию, политику или право, а именно на образование и гуманитарное знание. К слову, к нему я отношу любое знание, не понимая, как оно, если это действительно знание, может быть не гуманитарным.

М.Х. *Знание как средство деятельности?*

Б.Х. Да, потому что эпоха, делящая предметность на естественно-научную, инженерную, техническую, гуманитарную области, завершается, такое членение себя исчерпало, оно не продуктивно уже сегодня, не говоря о будущем.

Терпи, казак, атаманом будешь, или борьба за статусы

М.Х. *Сообразив утром, что завтра мне улетать, я понял, что, расспрашивая тебя о принципах толерантности, ни разу не удосужился поинтересоваться, как ты понимаешь сам этот термин. Если как приспособление, терпимость, то он мне не нравится. Потому что, понимая, что надо уметь быть терпимым, я слышу в этом слове оттенок страдательности, а*

отсюда ход к известной максиме: лучше умереть стоя, чем жить на коленях.

Б.Х. В русском языке есть и другой неприятный коннотат: дома терпимости... Но в данном случае терпимость понимается принципиально иначе.

Когда лет семь-восемь назад мы впервые начали обсуждать этот термин с западными коллегами, озвученный тобой вопрос тоже звучал, тогда же возник и образ помойки: почему я, имеющий возможность жить в нормальных условиях, должен ее терпеть? Она для меня невыносима.

Поэтому мне нравится другой смысл, звучащий в концепции, интересно и глубоко прописанной нашими коллегами из Института толерантности в Екатеринбурге: принятие допущения бытия Другого так же, как моего.

М.Х. *Или сосуществования с Другим.*

Б.Х. Можно и так, но слишком красиво. Для меня все сводится в представлении о гражданском образовании, хотя жить в гражданском обществе не так-то уж легко. Способность признавать и учитывать потребности и права других, видеть существенные отличия их образа жизни и принимать его, понимать язык другой культуры и находить с ней согласие – все это не появляется естественным путем даже в тех обществах, которые прошли длительный путь становления.

М.Х. *Но тогда с какой стати, - вспоминаю образ, использованный тобой в наших первых беседах, - ты начинаешь требовать, чтобы я избавил тебя от моей помойки? Мне в ней нравится, мне в ней тепло и уютно.*

Б.Х. А я не требую, я говорю лишь, что в этом пункте появляются граница и предмет переговоров, проявляются интересы и цели, которые в нормальном общении приходится согласовывать. Тут начинается позиционный торг, основанный на взаимной выгоде.

М.Х. *Мол, уберите свою помойку, а я вам за это...*

Б.Х. Как вариант. Например, чтобы не возбуждать возражений типа «они будут диктовать нам свои правила», предпочтительней думать не о том, как уничтожить помойку, а какие образовательные программы запустить. Либо на месте, либо приглашая молодых людей туда, где помойки нет, чтобы они «понюхали» другой вариант жизни и культуры.

М.Х. *Вот тут-то я и закричу: не навязывайте мне ваши мелкобуржуазные ценности!..*

Б.Х. А меня вполне устраивают нормальные человеческие ценности, независимо от бирки, мне абсолютно начхать, какого они цвета, где и когда были осознаны. Как известно, три великие мировые религии сформировались в одном месте: почему же мы не возражаем против христианства, оно же тоже не на российской почве выросло?

М.Х. *Еще как возражаем, желая вернуться к родному язычеству.*

Б.Х. Все, приехали: и христианство нам навязали, и ходить в штанах заставили, как и руки мыть, сидеть за столом и есть, пользуясь ложкой, вилкой и ножом. Кстати, не в очередной ли раз жидомасоны?! Не позволим им запретить нам вернуться в милую сердцу пещеру!

Поэтому я вновь и вновь говорю: да, есть вещи, которые меня не устраивают. И спрашиваю самого себя: как долго я готов заниматься преобразованиями и какую часть себя в это вложить? Или увидеть в моем нынешнем **положении** некий фатум – мол, мой мир и я вместе с ним таковы, ничего с этим не сделаешь, ничего не изменишь – и смириться навсегда? Что ж, это тоже вариант. Его-то, к слову, и можно назвать терпимостью.

М.Х. *Но давай сделаем еще один шаг в том же направлении. Вчера ты говорил о том, что даже в архаичных, примитивных культурах можно найти нечто полезное. Так, может, и жизнь по соседству с помойкой нас тоже чему-то научит?*

Б.Х. А это уже демагогия чистой воды. Впрочем, готов и это разыграть: не исключено, что в результате я наконец-то пойму, что происходит с людьми, которые находят прелесть в подобной жизни. И это может дать импульс неожиданным профессиональным размышлениям. А чтобы не ограничиваться искусственными аналогиями, приведу вполне адекватный пример.

Не знаю, как сейчас, но когда-то в Средней Азии женщины мыли голову кислым молоком, после чего волосы становились просто блестящими, но... вонючими до невозможности. Что было делать? Это ведь тоже ценность, такие волосы. Да, можно было терпеть. А можно было уже тогда разработать такой шампунь, который позволил бы иметь волосы не хуже, если не лучше, чем после кислого молока. И это уже другая культура.

М.Х. *Ладно, двинемся дальше, а напоследок поделюсь с тобой еще одним смыслом терминов интолерантность и толерантность, который мне перед командировкой к тебе подарила Лидия Семина. Оказывается, в переводе с английского первое слово означает... никогда бы не догадался... фундаментализм, а второе – индальгенция! Есть над чем подумать, не правда ли?*

Итак, насколько я понимаю, к распределению ответственности в социальном плане вы уже приступили, создав в гимназии «Универс» Парламент, Сенат и прочие механизмы самоуправления. А в экспертизе оценок, если я правильно понимаю, вы по-прежнему ориентируетесь на научные критерии, в том числе на рекомендации академиков от педагогики.

Б.Х. Легче всего списать на них, но мне ближе другое объяснение. В традиционной школе педагог, как я уже тебе говорил – самая тревожная профессия. Учитель – что солдат: любая проверка его знаний и умений нарушает его самочувствие. Не случайно солдаты больше двух лет не служат, а у тех, кто в армии задерживается, понимание становится стереотипным, о мышлении и говорить не приходится.

«Продвинутый» ученик перестал видеть в педагоге самого авторитетного специалиста в его учебном предмете. Если же принять метод распределенной ответственности за оценку, учитель еще и статуса – профессионально последнего инструмента – лишится, после чего совершенно обоснованно может потерять работу и профессию. Как, заметь, и вузовский преподаватель.

Вот тебе очередная история, имеющая отношение к обсуждаемой нами теме. В начале перестройки студенты нашего факультета разработали стратификацию, предложив критерии четырех уровней студенческих статусов. На первый они поместили тех, кто поступил в университет ради получения диплома. Если по ходу занятий такой студент полностью выполняет учебный план, то на выходе из университета мы обязаны выдать ему полноценный диплом. Этим документом утверждается, что молодой специалист прослушал определенные учебные курсы в соответствии со стандартом и может быть допущен к профессиональной работе. Диплом западного университета допуском к должности в профессиональном цехе – автоматическим, пря-

мым и единственным – не является. Он означает лишь то, что имярек владеет некой суммой знаний, а что он умеет, должны оценить компетентные специалисты в данной области, выдав соискателю сертификат соответствия. Поэтому наши выпускники, оказавшись на Западе и желая быть принятыми в солидную фирму, сдают кучу дополнительных экзаменов.

М.Х. *Недавно профессор Евгений Сабуров, объясняя смену образовательной парадигмы в мире, сказал, что раньше была принята теория человеческого капитала: человек вкладывал ресурсы в получение знаний, о чем и свидетельствовал диплом. Ее автор был удостоен Нобелевской премии. Сегодня же «в моде» теория нового нобелиата – теория фильтров, согласно которой диплом есть лишь сигнал – знак работодателю – об активности студента в годы учебы. С точки зрения Сабурова, это ведет или уже привело к дискредитации знаний и кризису культуры.*

Б.Х. Не согласен, новый статус диплома, на мой взгляд, знания никак не дискредитирует. Смысл его в том, что обладатель его будет допущен к самостоятельной практике после того, как докажет, на каком уровне он умеет применять полученные знания. При этом в традиционной системе высшего образования есть много смешного, если не сказать нелепого. Например, если студент выбирает специализацию в начале третьего курса, до того, как успеет прослушать необходимый для будущей профессии цикл лекций и пройти необходимую практику, то о какой специализации можно говорить?

Но что предложили наши студенты? О первом статусе я уже сказал. На второй могут претендовать те, кто самостоятельно движется в образовательном пространстве. Третьему соответствуют студенты, которые помимо обычных лекций и семинаров выбирают для себя руководителя той или иной мастерской и включаются в состав исследовательских или проектных команд, самостоятельно выполняя часть общей работы. Наконец, четвертый уровень – это те, кого мы называем экстернами, кто занимается по индивидуальным образовательным программам. Они не только сами составляют свой учебный план, но и определяют, где и у кого будут получать те или иные необходимые им знания: какие-то в Красноярске, какие-то в Питере и даже в Гамбурге.

М.Х. *Любопытная стратификация. Неужели она была принята?*

Б.Х. Ее провалили преподаватели из коммунистов – не по партбилету в кармане, а по мировоззрению. Провалили по очень простой причине. Научных исследований, независимо от наличия научной степени, они не ведут, предложить студентам хоть что-то, что привлекло бы внимание университетов или фирм, дающих гранты ради реализации стоящей идеи, не могут, авторитета у студентов не имеют, и потому не видать им их больше, как своих собственных ушей. Разве что студентов первого уровня. Но если принять такую стратификацию, сколько их останется?!

Сегодня с этой идеей носятся двое моих новых студентов, одного из них ты видел на семинаре. Я их, как могу, урезониваю: ребята, к истории надо относиться трепетно. Подумайте, изменилось ли у нас с тех пор, как вы предложили свою стратификацию, хоть что-то? Появились ли новые ресурсы? И что из того замысла можно реализовать? На мой-то взгляд, ситуация стала даже хуже, потому что люди, ту идею поддерживающие, разбежались кто куда.

М.Х. *Ваши преподаватели в точности повторили демарш медиков, в свое время заваливших идею свободного выбора пациентами поликлинических врачей с процентной оплатой в соответствии с количеством больных.*

Б.Х. Такая защитная реакция присуща любой профессии, в структуре которой имеется инстанция, претендующая на диктат, на вменение обществу своих правил игры: я такой – и вам такими быть надлежит! В Советском Союзе исключительное право оценивать своих коллег было даровано всем академиям и творческим союзам. В момент создания, скажем, академии медицинских или педагогических наук, союза писателей или архитектуры их организаторы, автоматически получая звания академиков и руководящие должности, то есть статус «выдающихся» ученых и творцов, тут же становились неприкасаемыми и выстраивали барьеры для идущих следом претендентов, готовых посягнуть на появившуюся кормушку. Академика же никто оценить не может. Заметь, у Фрейда сертификата на психоанализ не было...

Тот же социальный контекст у государственной программы толерантности. Стоило ее объявить, как появилась масса «спе-

циалистов», которые, прослышав об открывшемся финансировании, предлагают себя в качестве ее адептов. В точности, как Дон Базилио: «вы дайте денег мне, а я вам все устрою!» Они с ходу, прослушав один лекционный курс, «готовы» преподавать психологию, сексологию, валеологию, черта лысого. Но предложи им хоть одного человека научить быть здоровым или преодолеть реальный конфликт, как они начинают шуметь: мы – преподаватели конфликта, а не конфликтологи, мы теоретики, а не практики. Мол, тренер по баскетболу не обязан играть как Сабонис. Но это – очередная подмена, очередное передергивание, манипулирование, понятное обывателю. Про какое умение мы говорим? Что его конституирует? Если человек умеет решать задачи, то он и раньше умел это делать. Тренеру не надо играть, как Сабонис – тренеру надо других научить играть так же.

М.Х. *Не хочешь ли ты сказать, что преподаватель конфликтологии не умеет разрешать практический конфликт, а учитель математики – по аналогии – не умеет решать задачи?*

Б.Х. Именно. Однажды мы провели эксперимент, предложив преподавателям русского языка написать диктант, и зареклись...

М.Х. *Где?*

Б.Х. Не скажу. Впрочем, это было давно, в первые перестроенные годы. Ректор предложил, мы и провели – среди преподавателей и старшекурсников университета. И все стало ясно. Они ведь задачки, предлагаемые детям, могут решать потому только, что у них есть решебники с последовательностью действий и ответами. Сколько раз мы наблюдали одну и ту же картину: ученик обращается с затруднением к учителю, тот спрашивает: покажи, где? и тут же лезет в решебник. А отбери его у него?..

Однажды я предложил учителям математики такую задачу. Мужик продал лошадь за 7 тысяч, потом купил лошадь за 8, продал ее за 9 тысяч, потом купил за 10 и продал за 11. Вопрос: получил ли мужик прибыль и если получил, то сколько? Учителя мучались час. Знаешь, что они делали? Расписали лошадей и деньги по бумажкам и стали ими обмениваться... Чтоб я так жил! И только один из них ничего не писал и ни с кем не обменивался. Спрашиваю: Леша, ты почему задачу не решаешь? А он отвечает: задачи не вижу! Он оказался единственным из всех, кто знал, что такое математическая задача.

Так что не все так просто. Особенно в тех областях, которые в нашей стране не были предметом серьезного изучения, понимания, практики, скажем, в области коммуникации, формирования критического мышления, разрешения конфликтов, налаживания поли- или межкультурных форм жизни. Ужас в том, что не ставшие умелыми учителя «готовы» уже сегодня все это преподавать! Они готовы преподавать право, хотя у них напрочь отсутствует правовое мышление. Они считают себя вправе решать правовые задачи, вычитывая ответы... из кодексов! Но допустимо ли, чтобы кто-то назначал другим делать то, что не умеет делать сам?

М.Х. *Пару месяцев назад мне довелось присутствовать на пресс-конференции, организаторы которой с гордостью рассказывали о новом учебном курсе, который уже распространяется по стране и, со слов авторов, с увлечением принимается подростками. Представь, содержание 12 уроков, после которых сдается зачет, сводится к тому, чтобы научить подростков... свободе! Ни больше, ни меньше. А как иначе определить якобы формируемое умение в любой, тем более сложной жизненной ситуации принять решение, за которое несешь ответственность, или «овладеть» мужеством сказать «нет», противопоставив себя коллективу?*

Мне поначалу показалось это замечательной инновацией. Но, чем больше вопросов задавали авторам журналисты, тем больше сомнений закрадывалось. Прежде всего, можно ли научиться самоопределяться на уроке, где по типу деятельности ученику рациональнее угадать «правильные» ответы и получить зачет? По свободе!.. И все же, несмотря на, скажу так, экстравагантность новации, журналисты даже в острых вопросах проявили максимум уважения к авторам, а те отбивались, как партизаны. А точку в пресс-конференции поставил вопрос, оставшийся без ответа: могут ли ученики проявить свободу выбора, отказавшись от этих ваших уроков? имеют ли они право вам сказать «нет, не хочу»?..

Б.Х. Скорее всего, нам предлагают очередную маниловщину. В лучшем случае, если удачно срежиссировать ситуацию, на таких уроках можно приоткрыть дверь в мир, зацепить за живое, побудить размышлять, хотя для этого не нужно 12 занятий и уж тем более зачета. Но это же типичный учительский миф:

большинство учителей убеждены, что их предмет существует исключительно на уроке, хотя он живет, извини за тавтологию, в человеческой жизни. И уметь вводить действительность внеклассной, внешкольной жизни в предмет – высочайшее педагогическое искусство. Если учитель им владеет, то у детей появляется осмысленность происходящего, их действия обретают нормальный прагматический смысл. Иначе это все, согласен с тобой, для проформы, чтобы зачет получить. Это как сказать детям: учись, чтобы быть умным. А он и так умный – в общении со сверстниками.

Вместо послесловия

Расшифровывая в Москве диктофонные записи, я то и дело грустно вздыхал: в очередной раз не допросил, в очередной раз не договорили... А успокаивал я себя тем, что это, скорее всего, было недостижимо изначально. И еще тем, что читатель, которого задела за живое взгляды красноярского психолога и педагога, имеет реальную возможность, если ему захочется, продолжить, хотя и заочно, беседы с Борисом Иосифовичем Хасаном, мысленно включившись в наши с ним дискуссии.

Матвей Храмченко

Красноярск-Москва